

Лю Сянхань на мгновение заколебался.

Взгляд Шэнь Тинъюня помрачнел. Изначально его печаль была наигранной, но теперь он и вправду почувствовал себя задетым.

— Если ты правда не хочешь сниматься со мной в одном фильме, я откажусь, — произнёс он жалобным тоном.

Лю Сянхань, кивнув, тут же пожалел об этом, почувствовав, что его реакция могла быть обидной. Услышав слова Шэнь Тинъюня, он ощутил ещё большее чувство вины. Его лицо несколько раз меняло выражение, и в конце концов он махнул рукой:

— Ладно. Работы режиссёра Коу доступны не каждому. Твоя роль в фильме — это удача. Другие только мечтают о таком шансе, а ты хочешь отказаться? Ты что, безрассудный?

— Я просто боялся, что ты не захочешь сниматься со мной.

Лю Сянхань, опустив голову, выплюнул воду и молча промыл зубную щётку. Прошло немало времени, прежде чем он тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Я так не думал.

Лицо Шэнь Тинъюня озарилось радостью:

— Значит, я могу согласиться!

Лю Сянхань оттолкнул его руку и, держась за дверной косяк, прыжками выбрался из ванной, направившись к кровати. С напускной гордостью он заявил:

— Делай что хочешь, это не моё дело. Мы ведь не так уж и близки!

Шэнь Тинъюнь молча улыбнулся, догнал его и поднял на руки:

— Кто сказал, что мы не близки? Я ведь твой зять.

— Врёшь! Зять, говоришь? Бесстыдник!

— Ладно, я твой брат.

— Вр...

— Не смей говорить «врешь».

— ...

Шэнь Тинъюнь уложил его на кровать, накрыл одеялом, выключил основной свет и включил ночник. Тихо сказал:

— Если хочешь спать, спи.

После всей вечерней возни с Шэнь Тинъюнем, связанной с обтиранием, Лю Сянхань действительно чувствовал себя измотанным. Его веки отяжелели, и он слабо кивнул.

Шэнь Тинъюнь снова улыбнулся, поправил его чёлку и сел рядом, тихо наблюдая за ним.

Лю Сянхань, даже с закрытыми глазами, чувствовал его взгляд. Он был на грани сна, но заснуть не мог.

В отчаянии он открыл глаза:

— Почему ты ещё не спишь?

— Я подожду, пока ты заснёшь.

Шэнь Тинъюнь улыбался мягко, но Лю Сянхань от этого только нервничал. Он пнул его здоровой ногой через одеяло:

— Я не трёхлетний ребёнок, не нужно меня караулить!

— Почему такая реакция? Боишься, что я воспользуюсь твоим сном, чтобы тебя потискать? — Шэнь Тинъюнь сказал это с игривой улыбкой.

— Шэнь Тинъюнь!!!

Лю Сянхань наконец взорвался.

Шэнь Тинъюнь громко рассмеялся, совершенно не испугавшись, и снова ущипнул его за щёку:

— Называй меня братом.

— Называй сам себя!

— У меня нет сестры.

— ...Шэнь Тинъюнь, иди к черту!

— Я же сказал, называй меня братом или зятем.

— Мечтай! — фыркнул Лю Сянхань. — Чтобы я назвал тебя братом, дождись следующей жизни! Ах...

Его возглас внезапно оборвался, когда он увидел Шэнь Тинъюня, внезапно приблизившегося к нему.

Шэнь Тинъюнь, опираясь на руки, навис над ним с хитрой улыбкой:

— Так и не назовёшь? Если не назовёшь, я поцелую тебя.

— Хлоп!

Звук пощёчины оглушил и того, кто ударил, и того, кто получил.

Ладонь Лю Сянханя всё ещё прилипла к лицу Шэнь Тинъюня, который, всё ещё нависая над ним, с удивлением смотрел на эту руку. Очевидно, он не ожидал, что Лю Сянхань действительно ударит.

Лю Сянхань тяжело дышал, его лицо было искажено гневом. Он с силой оттолкнул Шэнь Тинъюня, на этот раз не прыгая и не крича, а просто повернувшись к нему спиной и закутавшись в одеяло.

Но такой вид Лю Сянханя только смутил Шэнь Тинъюня. Он прикрыл лицо рукой и не осмеливался произнести ни слова.

В палате было тихо. Лю Сянхань с момента удара не шевелился, казалось, он уснул, но Шэнь Тинъюнь знал, что это не так.

Он действительно разозлился, и Шэнь Тинъюнь это ясно чувствовал. Пощёчина была нанесена со всей серьёзностью, и его левая щека до сих пор слегка болела. Постояв в нерешительности, он наконец сделал шаг, осторожно подошёл к другой стороне кровати, взял край одеяла и аккуратно приподнял его.

Лю Сянхань свернулся в клубок, уткнувшись лицом в рукав. Он и так был худым, а в таком положении казался ещё меньше, словно раненый ёжик, вызывая жалость.

Шэнь Тинъюнь был шокирован, не ожидая, что Лю Сянхань заплачет. Он хотел, как раньше, взять его на руки и утешить, но, коснувшись дрожащей спины, остановился. Все его прежние способы утешения теперь казались бесполезными, и единственное, что он мог сделать, — это бесконечно извиняться.

— Прости, я опять не сдержался. Брат виноват, больше так не буду. Не плачь, хорошо?

Голос Шэнь Тинъюня был мягким, а действия — ещё более нежными.

Раньше Лю Сянхань часто злился на него, но Шэнь Тинъюнь всегда находил способ успокоить

его парой слов. Однако на этот раз метод не сработал. Чем больше он утешал, тем сильнее плакал Лю Сянхань, хотя и старался не издавать звуков, но его плечи дрожали всё сильнее.

Шэнь Тинъюнь в панике развернул Лю Сянханя. Тот был с красными глазами, мокрыми ресницами и следами слёз на щеках, выглядел очень жалко. Шэнь Тинъюнь, сердце которого разрывалось от жалости, обнял его и стал тихо утешать.

Лю Сянхань, уткнувшись в его грудь, не сопротивлялся, чувствуя себя несчастным.

Шэнь Тинъюнь всегда был беспечным, позволяя себе любые шутки. Зная, что Лю Сянхань — брат его бывшей жены, он всё равно нагло заявлял, что если не станет зятем, то станет мужем, а теперь ещё и угрожал поцелуем. Он понимал, что Шэнь Тинъюнь мог так шутить только потому, что не испытывал к нему никаких чувств, но сам Лю Сянхань не был таким. Он любил Шэнь Тинъюня, любил до безумия, но из-за сестры не мог признаться и не мог позволить себе быть слишком близко. Его тайная любовь уже приносила ему столько боли, а Шэнь Тинъюнь продолжал ранить его снова и снова.

Непреднамеренные раны были самыми болезненными.

Лю Сянхань плакал долго, прежде чем успокоился. Шэнь Тинъюнь всё это время держал его, не осмеливаясь пошевелиться.

Лю Сянхань вытер слёзы и лёг обратно на кровать, снова повернувшись спиной к Шэнь Тинъюню. Тот накрыл его одеялом, затем пошёл в ванную за влажным полотенцем, чтобы вытереть ему лицо. Лю Сянхань не сопротивлялся, закрыв глаза и позволив ему это сделать.

Внезапно он тихо сказал:

— Шэнь Тинъюнь, я больше не хочу слышать такие шутки.

Его голос звучал устало, но больше от душевной усталости.

Шэнь Тинъюнь послушно кивнул:

— Больше не буду.

Лю Сянхань добавил:

— Ты мой зять, а я твой шурин. Некоторые шутки нельзя отпускать.

Шэнь Тинъюнь легкомысленно улынулся, пытаясь разрядить обстановку, и пошутил:

— Теперь ты снова признаёшь меня зятем?

Лю Сянхань ничего не ответил, закрыв глаза.

Его настроение ещё не полностью улучшилось, и Шэнь Тинъюнь, опасаясь снова его разозлить, неловко почесал переносицу и ушёл в ванную, чтобы повесить полотенце.

Когда Шэнь Тинъюнь ушёл, Лю Сянхань медленно открыл глаза и долго смотрел в потолок, прежде чем тихо произнёс:

— Ты мой зять, и это никогда не изменится.

Словно объясняя или предупреждая себя.

Лю Сянхань провёл в больнице неделю, прежде чем ему разрешили вернуться домой на восстановление.

В день выписки его забрал Му Юйян, так как факт его госпитализации не был секретом. Чтобы избежать журналистов, Шэнь Тинъюнь не уехал с ними, а остался в больнице ещё на час, после чего его отвёз домой Цзи Тан.

Лю Сянхань вернулся домой первым, а Му Юйян ушёл только после того, как вернулся Шэнь Тинъюнь.

Лю Сянхань с одной ногой в гипсе передвигался с трудом, поэтому Шэнь Тинъюнь подготовил для него инвалидное кресло. К счастью, в доме было немного мебели, и передвигаться было относительно удобно.

Они вернулись домой ближе к вечеру, и Лю Сянхань, не имея возможности готовить, заказал еду на вынос. Цзи Тан, доставив их, не спешил уходить и, воспользовавшись случаем, остался ужинать, заодно обсудив с Шэнь Тинъюнем рабочие вопросы.

Лю Сянхань и Шэнь Тинъюнь были конкурентами в работе, поэтому он не стал участвовать в их разговоре, а отправился в игровую комнату, чтобы пообщаться с двумя собаками. Неделя разлуки сделала встречу радостной как для Лю Сянханя, так и для собак.

<http://bllate.org/book/15539/1382158>